

МИР НЕЖИВОЙ ПРИРОДЫ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «СТРАСТЬ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ В. БРЮСОВА)

Концепт «Страсть» рассматривается учеными в тесном соотношении с концептом «Любовь». Исследованию эмоции *страсть* посвящены работы лингвистов Л.Е. Вильмс, С.В. Воркачева, Е.В. Лобковой и др. [1]. Сопоставляя *страсть* и любовь, Ю.Д. Апресян пишет, что «*...* *страсть* интенсивнее, чем *любовь* *...*. С другой стороны, *...* *любовь* глубже, чем *страсть* *...*» [2, с. 54]. С.В. Валиулина относит *страсть* «к устойчивым сильным эмоциям» [1, с. 10].

Концепт «Страсть» в поэзии В. Брюсова является значимым в экспликации эмоциональной концептосферы. В.М. Жирмунский утверждает, что «особое значение в поэзии Брюсова имеют образы страсти, Брюсов по преимуществу — поэт страсти» [3, с. 206]. Д.Е. Максимов отмечает, что В. Брюсов в своем поэтическом творчестве проповедовал культ *страсти* [4, с. 91].

Представления о *страсти* В. Брюсов изложил следующим образом: «Страсть — это тот пышный цвет, ради которого существует, как зерно, наше тело, ради которого оно изнемогает в прахе, умирает, погибает, не жалея о своей смерти. Страсть — иногда затаенный, но вечно живой идеал человеческой жизни. *...* Ценность страсти зависит не от нас, и мы ничего не можем изменить в ней. *...* Наше время, освятившее *страсть*, впервые дало художникам возможность изображать ее, не стыдясь своей работы, с верой в свое дело. *...* Целомудрие есть мудрость в *страсти*, сознание святости *страсти*. Грешит тот, кто к *страстному* чувству относится легкомысленно» [5, с. 115, 117, 118, 119].

Приоритетность концепта «страсть» в поэзии В. Брюсова подтверждается частотностью ключевой лексики *страсть* (120 словоупотреблений), объективирующей названный концепт, а также сильными позициями текста данной лексики («Царица Страсть», «Алтарь Страсти», «Любовь и страсть — несовместимы», «Нам страсти вещей ужас — вечно петь!» и т.д.).

В поэзии В. Брюсова мир неживой природы в метафорическом представлении концепта «страсть» получает своеобразные интерпретации.

Мир неживой природы в брюсовской поэзии репрезентирован разнообразными М-моделями. Отмечена у В. Брюсова М-модель «**страсть — вещество**», которая представлена К-метафорами: *страсть — горячее вещество: Душу жжет неуголимая / Жажда тела твоего!* [6, с. 36]; *Горестно рыдала / О минутной сказке / Опалившей страсти, / Обманувшей ласке* [6, с. 163]; *Ты страстью распалешь кровь* [7, с. 445]; *Сад все гуще, страсть все жгучей, ветви тянутся из букв* [7, с. 510], *страсть —*

жидкость: Страстей неопытная сила / Кипела в сердце молодом... [7, с. 441].

Предметные признаки *страсти* в поэзии В. Брюсова отражают М-модели «страсть — предмет» и «страсть — строение». М-модель «страсть — предмет» представлена в контексте: *Геро! встанем! в свет победный / Бросим тело, бросим страсть!* [7, с. 79]. Названная М-модель реализуется К-метафорами: **поцелуи — режущий инструмент:** *Когда поцелуи во мраке / Вонзают в меня лезвие, / Я, как Одиссей о Итаке, / Мечтаю о днях без нее* [6, с. 37], **страсть — колющий инструмент:** *Что было? Двое, страстью вскрылены, / Над тенью дней чело стремя, / Сон счастья жгли, чтоб, обессилены, / Пасть, — слиты лаской остря* [7, с. 100], **страсть — товар:** *Верб заветных где пух? — Не равно ли им, / Здесь, где страсть — на прилавок товар* [7, с. 142]. Процесс торга наполнен страстью: « <...> Кто к торгу страстному приступит? / Свою любовь я продаю — / Скажите: кто меж вами купит / Ценою жизни ночь мою?» [7, с. 440]. М-модель «страсть — строение» репрезентирована К-метафорой **страсть — корабль:** *Как корабль, что готов менять оснастку: / То вздымать паруса, то плыть на веслах, / Ты двойной предаваться жаждешь страсти. / Отрок, ищешь любви, горя желаньем, / Но, любви не найдя, в слезах жестоких, / Ласк награду чужих приемлешь, дева! / Хрупки весла твои, увя, под бурей, / Дай же ветру нырнуть в твои ветрила!* [6, с. 328].

Продуктивна в поэзии В. Брюсова М-модель «страсть — стихия»: *И что страстных признаний порывы. / Что мечты вдохновенный полет / Я сочту за безмолвный расчет / И за пафос заученно-лживый* [7, с. 214]; « <...> Каким презреньем встретили бы деды / Всю вашу страсть, весь жалкий ваш порыв!» [7, с. 435]. Данная М-модель развивается в М-модели: а) «страсть — вода»: *Испить любовь мне было суждено / И все мученья страсти беспощадной* [7, с. 391]. Отмеченная М-модель репрезентирована К-метафорой **страсть — омут:** *Я знал восторг, я знал позор, / Все омуты страстей* [7, с. 309]; *Все клятвы молодости преданы, / Что я вручал когда-то ей, / До дна все омуты изведаны / Безумств, желаний и страстей* [7, с. 312], б) «страсть — огонь»: *Страсть жечь мне сердце не могла* [7, с. 186]; *Ты пламя мне разлил по жилам, / Ты пламенем зажег мой взор* [6, с. 19]; *Пусть мне гореть! — но в том огне горишь / И ты со мной! — я был неправ, что лишь / Четырнадцать имен назвать мне надо* [6, с. 310]; *Ласки любовников всех лишь огонь разжигают в Марине, / Жаждет, пылая, она, пламя чтоб я погасил* [6, с. 327]; *Я словно в огненной печи, о дорогая, я — в печи!* [6, с. 340]; *Он решил, он повелел / Кроткой строгостью закланий, / Чтоб восторг двух разных тел / Равным пламенем горел / На костре ночных распятий* [7, с. 62]. Лирический герой, охваченный страстью, сравнивается с пламенем: *Все дни горю я, стон тая, о дорогая, стон тая, / О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я!* [6, с. 340]; *Но как молчать, любовь тая, о дорогая, страсть тая? / О, злая, ведь не камень я, о дорогая, пламень — я* [6, с. 340], а взгляд возлюбленного подобен вспышкам огня: *Твой взгляд, как у газели, был вспышками огня* [6, с. 333]. В поэзии В. Брюсова отражены

языческие представления об огне как о символе *страсти*: *На ложе каменном они / Безрадостно сплетали руки; / Плясали красные огни, / И глухо повторялись звуки <...> / И кротко жрец, склоняясь над ней, / Вершил заветные заклатья, / И вновь, под плясками огней, / Сплетались горькие объятья* [7, с. 291].

Выделена у В. Брюсова также К–метафора *страсть — пепел*: *Наши страсти — пепел отгоревших лет* [7, с. 114]. М–модель «*страсть — огонь*» преобразуется в М–модель «*страсть — свет*»: *Я грустно помню радужные крылья / И страсти новой за тобой просвет* [6, 392]; *Так, в сладострастии, все земное — / Лишь отблеск страсти неземной* [7, с. 485]; *Звуки страстным светом блещут, / Жгут в реке лучами дно* [7, с. 377], в) «*страсть — воздух*»: *Там страстью дышит темнота* [6, 172]; *Как прежде ты дышала зноем, / Избытком страсти, буйством сил!* [6, с. 26]. Отмеченная М–модель репрезентирована К–метафорой *страсть — вихрь*: *В подушки прятать свой позор и стыд, / И, схвачен вихрем ужаса и страсти, / всем телом биться о ступени плит!* [6, с. 191]; *Стихийный вихрь неистовых страстей* [7, с. 353]. Следует отметить, что в поэтических текстах В. Брюсова наблюдается контаминация М–моделей: а) «*страсть — вода*» и «*страсть — огонь*»: *Склонив на шею мне несмело / Две нежно-огненных руки, / Ты тихо погрузил всё тело / В истому пламенной реки* [6, с. 19], б) «*страсть — воздух (чёрный вихрь)*»: *Бывало жизнь мутили страсти, / Как чёрный вихрь морскую гладь* [7, с. 7] (ср. мутить воду, то есть хитрить, сбивать с толку окружающих. В приведённом контексте наблюдается трансформация фразеологической единицы *мутить воду*).

Встречается в поэзии В. Брюсова М–модель «*страсть — продукт*», которая представлена К–метафорами: *страсть — яд*: *Кто ядом мучительной страсти / Объятья ее напоил?* [6, с. 37], *страсть — напиток*: *Что наша жизнь? Несчастный случай! / Напиток страсти, остро-жгучий* [6, с. 87], *страсть — пища*: *Призрак обманной в объятьях держал ты: / Я обманул ненасытную страсть!* [6, с. 179]; *Неразделенная любовь, / Мечта неуголенной страсти* [7, с. 264].

Вышеизложенное свидетельствует о разнообразии экспликаций мира неживой природы в метафорическом представлении концепта «*Страсть*» в поэзии В. Брюсова. Обнаженность и наглядность межличностных отношений, своеобразная интимизация поэтического текста говорит о богатстве авторского мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валиулина, С.В. Средства репрезентации эмоции «страсть» как фрагмента русской языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Улан-Удэ, 2006.
2. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Том II. — М., 1995. — С. 33–350.
3. Жирмунский, В.М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина // Поэтика русской поэзии. — СПб., 2001. — С. 198–281.
4. Максимов, Д.Е. Брюсов. Поэзия и позиция — Л., 1969.
5. Брюсов, В.Я. Страсть // Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. — М., 1990. — С. 114–119.

6. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. — М., 1973; Т. II: Стихотворения 1909–1917.

7. Брюсов, В. Собрание сочинений: в 7 т. / П.Г. Антокольский [и др.]. — М., 1974; Т. III: Стихотворения 1918–1924, стихотворения, не включенные В.Я. Брюсовым в сборники 1891–1924, поэма «Египетские ночи».